

Реплика в большом разговоре

Некоторое время тому назад в коллективе Кишиневского русского театра замечалось необычное беспокойство. За кулисами не прекращались тревожные разговоры. Режиссер Р. Григорян готовил защитительную речь...

Может быть, где-то действительно замышлялись козлы, требующие дружного отпора? Ничего подобного, просто коллеги Министерства культуры Молдавской ССР решала обсуждать спектакль «Приговор», включенный театром в программу фестивалей в честь 40-летия Октября и получивший, кстати сказать, более чем сдержанную оценку жюри.

Заседание коллегии, где обсуждался «Приговор», протекало бурно. Говорили о том, что пьеса С. Левитиной и особенно ее социальное прочтение — ущербны в идейном и безукусны в художественном отношении. Большинство представителей театра во главе с директором яростно отбрасывало от этих обвинений. Один из ведущих актеров, В. Велос, горячо подержал критику в адрес театра. Главный режиссер Е. Венгря занял уклончивую позицию: спектакль включался в репертуар, готовился и ставился в его отсутствие... У членов коллегии тоже не оказалось единого мнения. Тогда решили вынести спор на широкое обсуждение общественности Кишинева.

Скажем сразу: широкого обсуждения не получилось. Состоявшиеся два недели спустя просмотры спектакля «Приговор» едва собрал полсотни зрителей. Но новому обсуждению задавал директор театра Д. Прилепов и артист В. Стрельбицкий. Смысл из речей сводился к нехитрой апелляции: «Нае бяют. Спасите!».

Маневр удался. В течение четырех часов 19 выступивших полемизировали по поводу только что просмотренного произведения. А результат? Отметили, что спектакль «Приговор» не то что хорош, но и не так чтоб уж очень плох; выразили робкую надежду, что театр изыщет для себя пользу из высказанных товарищей. На том и разошлись...

А ведь, судя по всему, у Министерства культуры было серьезное намерение разобраться в делах Кишиневского русского театра. Только в самый последний момент лояльная боязнь нарушить своим вмешательством демократичность обсуждения помешала руководителям министерства верно выдвинуть принципиальный, давно назревший разговор о судьбе и задачах русского театра в столице Молдавской ССР.

История обсуждения спектакля «Приговор» характерна. За последние годы неоднократно на различных собраниях и в печати резко критиковалась деятельность русского театра. Отражая «критические вихри», руководители театра выработали некую «методу». Прежде всего с особой страстью оспариваются несущественные детали, отдельные неточности в формулировках. Сразу же поддается сомнению личность критикующего в добросовестность его намерений. В ход пускаются тщательные подобранные похвальные отзывы прессы, выступления «друзей театра и народа» и т. п.

Большой разговор легко растекался на множество жданных ручейков; речевой бесследно топили в заблуждах пессимистических мелочей. Шум в конце концов затихал... И ни разу за много лет у руководителей театра не возникло желания честно проанализировать: а вдруг есть некая доля правды во всех этих критических выступлениях, часто не совсем точных, иногда не вполне квалифицированных, но неизменно проникнутых огорчением по поводу того, что Кишиневский театр не является в Молдавии достойным полноразмерной и славной русской театральной культуры.

Было время, когда Кишиневский русский театр по праву считался ведущим театром в Молдавии. Многому учились у своих коллег тогда еще молодые актеры молдавского театра. Прошло 10—12 лет. Молдавская труппа превратилась в полноценный коллектив, способный высоко держать звание советского искусства, а Кишиневский русский театр остался в худшем случае на прежнем уровне, если не сказать больше: в идейно-художественном отношении театр отступил назад. Зрительница в подборе репертуара, поразительная небрежительность и идейным и художественным качеством выпускаемый спектакль, утрата чувства ответственности за свою работу — вот и чем главное зло.

Руководство театра весьма приблизительно и неопределенно судит о запросах зрителей. Зачастую подбор репертуара идет по следующему «принципу»: «Вы слышали, такая-то пьеса делает сборы? Немедленно давайте ее и — в работу!». Нет, пожалуй, ни одного из тех легкоругких драматических полуфабрикатов, выискуемых обычно «кассовыми» писателями, за который не ухватятся бы Кишиневский театр с поспешностью, достойной лучшего применения: «Люся», «В сиреневом саду», «Сладкое путешествие», «Отец и сын», «Сплошные неприятности»... Уровень этих

спектаклей всякий раз соответствовал качеству драматургического материала.

В середине прошлого сезона спектакль «Остров Добрая Надежды» был снят с репертуара по требованию общественности на следующий же день после премьеры: театр потерпел серьезное идейное поражение, но и этот факт умудрялся расценить все-таки лишь как неудачный эпизод.

Укоренявшийся расчет на случайную удачу привел к тому, что репертуарные планы театра оказываются обычно пустой бумажкой. В начале сезона объявляется список произведений, намеченных к постановке; главный режиссер или директор выступают в печати с широкопошлостными статьями, а в сводную афишу попадают едва ли половина разрекламированных названий. Ныне повторилось то же самое: публиковались статьи и открытия сезона, была шумиха... А в действительности театр четыре первых месяца работал вообще без плана. Лишь перед новым годом, да и то по неоднократным настояниям министерства наконец-то составили репертуар. В него включили произведения, не вызывавшие сомнений: «Дети солнца», «Последняя остановка», «Урель Акоста», «Дика-неизданный». Прошло не более двух недель. И вновь управление по делам искусства вынуждено улаживать очередной конфликт между директором театра и одним из режиссеров. Спорят все о том же: что ставить?

Надо отметить, что театр иной раз радует и хорошими спектаклями. Таких были в разное время «Семья», «Зимовье», «Дядя Ваня», «Персональное дело», изданные сейчас «Кремлевские курьезы». Думаешь об этих спектаклях и, право, дивишься: да неужто это тот же самый театр, где бы самые актеры и режиссеры? Для причины обидного подожжания, при котором силы большого творческого коллектива, насчитывающего в своей среде немало серьезных, талантливых исполнителей, растрачиваются подчас на скороспелые однодневки?

Назначение в прошлом сезоне нового директора Д. Прилепова на прошлой беседой из Кишиневского русского театра. За это время добротно отремонтировано здание, упорядочено хозяйство. Театр закончил год с превышением основных показателей производственно-финансового плана. Но материальное благополучие отнюдь не сказало положительно на творческом облике театра, зная наоборот. Рачительный, знающий хозяйственник, Д. Прилепов медленно, но верно превращает творческое учреждение в производственное предприятие, гонимая цель которого, грубо говоря, «выколотить побольше денег».

Разам не прозвучала бы кощунством попытка сравнить идейно-художественные достоинства чеховского «Дяди Вани» и, скажем, пресловутой «Люся» или того же «Приговора»? Но вот перед нами итоги работы Кишиневского русского театра за 1956/57 г. «Люся» была показана больше ста раз, «Приговор» — 56 раз, а «Дядя Ваня» лишь однажды увидел свет рампы, а потом «тихо скончался», запоздированной дирекцией в неспособности делать битковые сборы...

Касаясь весьма спорные акцусы администратора нередко оказываются здесь единственным мирялом целесообразности постановки той или иной пьесы. Никто не станет возражать против добросовестной работы о рентабельности, о повышении сборов, в том, чтобы зал театра был всегда полон. Но когда пьеса ставится только потому, что она удобно расходится «а параллель» или, того хуже, что в ней есть нечто эталонное... «с перчиком»; когда театральные дяди без малейшего смущения показывают на детских утробниках «Омут» (по роману Балзакса «Жизнь холостяка») или «Мораль пани Дульской», или «Безымянную звезду»; когда упокоенный театральными, являющийся на предпринятие, соблазняет молодежь танцами после спектакля, это уже никак не годится.

В последнее время Кишиневский русский театр делает похвальный

усилия для расширения своей аудитории: ставит регулярными выездными спектаклями, нередко устраиваются премьеры колхозников на спектакли в Кишинева. Все это опять же в рамках коммерческой выгоды. А, по существу, отношения театра с трудящимися колхозов остаются несомненно провальными. Единственный «выполненный» раздел производственного плана — спектакли непосредственно в сельских клубах.

Много лет подряд общественность Молдавии справедливо сетует на профессиональные творческие коллективы, что они не помогают художественной самостоятельности. В русском театре подобными «пустышками», как выражаются некоторые, не занимаются и, судя по всему, заниматься не думают. Где, дескать, взять время для шефства над коллективами самостоятельности, которых по нынешним временам несметное количество?

Дирекция гордится тем, что за десять месяцев прошлого года сыграло 394 вместо 332 плановых спектаклей. Нелегко дается творческому коллективу этот «производственный показатель». Никогда ли подумать, не поискать лучшие творческие решения. Ладно бы успеть текст выучить! Режиссеру нередко приходится начинать работу с коллективом над новой оперой, но имея даже двух-трех дней для подготовки. Премьера состоялась, и после нее уже никаких добродетей. Спектакль заигрывается до полного износа или снимается после первого же случая неполных сборов. Удивительно ли, что в репертуаре нет ни одной постановки предшлых лет?

Чисто производственный подход к «загрузке» актеров вынуждает театр постоянно дробить творческие силы труппы на «параллели». При этом неизбежны удручающие компромиссы в распределении ролей, невольные ограничения в обращении с авторскими текстами. В «Кремлевских курьезах», например, наиграно очень важная для понимания идеи произведения роль инженера Глаголева.

В коллективе театра нарастает справедливое чувство творческой неудовлетворенности. Очень редко здесь спектакли-события, а тем более роли-события. Вчера — чуть лучше, завтра — чуть хуже, а судьба всего одна: раствориться в повседневной гонимости премьерного «конвейера». О профессиональной учебе, о творческом росте, об исполнении лавной актерской мечты — сыграть любимую роль — уже, кажется, и говорить не приходится. Впрочем, фигура умалчивает, избранная актерским театром, имеет свое обоснование. К чему ломать копы, если к твоим словам не только не прислушались, но каждый раз готовы расценить их как личную обиду?

На обсуждении спектакля «Приговор» театр откликнулся весьма своеобразно: угостил зрителя очередной репертуарной новинкой — премьерой вдовца В. Велоса и Я. Костюкова «Сплошные неприятности». Мало сказать, что это просто плохой спектакль. В нем, дм, наполненные величественными событиями, стыдно и больно видеть, как размениваются на дешевые и пошлые пустяки большой коллектив людей, претендующих на высокое звание советских артистов. Ведь не случается же, к примеру, такой случай. Против включения в репертуар «Сплошных неприятностей» решительно высказались и главный режиссер Е. Венгря, и очередной режиссер, секретарь партганизации театра Р. Григорян. Однако «сатирический вдовец» поставлен и поставлен не кем иным, как Р. Григоряном. Чем вызвана такая, мягко выражаясь, непоследовательность взглядов?

В то же самое время пьеса «Дали неспладнее», «В поисках радости», «Обоз второго разряда», единственно рекомендованные режиссером, были «зарезаны на корню» административной властью директора. Аргументация Д. Прилепова была в каждом отдельном случае до анекдотичности примитивна. Достаточно сказать, что «В поисках радости» он определил как произведение порочное, пропагандирующее... хулиганство!

Спектакль «Кремлевские курьезы» ныне радует директорское сердце битковыми сборами. Но ведь и ему пришлось совсем недавно преодолеть яростное сопротивление администрации. И тут фигурировали глубокомысленные сентенции на тему о том, что зритель-де «устал от идей», «театр он якобы хочет только отдыхать»...

— Нет, нельзя считать окончанием эгоизм, подпаятый Министерством культуры Молдавской ССР вокруг Кишиневского русского театра. Тут же не действуют гомопатические отцы внушений и пожеланий. Необходимо решительно устранить все, что мешает этому театру занять достойное место среди творческих учреждений республики.

И. ШВЕДОВ,
сод. нарр. «Советской культуры»
КИШИНЕВ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва